

Прологомены — или Двадцать лет спустя

Предлагаемое читателю предисловие — нестандартно. Или, точнее, не отвечает сегодняшним облегченным стандартам. Другие стандарты тоже существуют. Развернутое концептуальное предисловие (аналитический пролог, концептуальный путеводитель и так далее) называется «прологомены» (греческое *prolegomena* — говорить наперед). Мое «двадцать лет спустя» — это такие прологомены. Их задача — не растолковать, что к чему, а помочь нащупать **ПОЛИТИЧЕСКИЙ НЕРВ** данного сочинения.

Я мог бы вместо слова «нерв» использовать более нейтральные выражения, сославшись на то, что прологомены являются предваряющими замечаниями, оконтуривающими суть предмета и метода. Но я настойчиво апеллирую к слову «нерв». Именно **НЕРВ** и именно **ПОЛИТИЧЕСКИЙ!**

В аналитике элит такой нерв и есть основное.

Что значит «основное»? Вы рассказываете об устройстве человеческого организма и сообщаете, что нервы (а то и отдельный нерв) — это основное. А вас недоуменно спросят: «А кости, мышцы?» Да и вообще, зачем нужны столь brutальные метафоры? Занялись наукой — почему не сказать «квинтэссенция»? Или «системная ось»? Или «ядро системы»?

Потому что аналитика элиты вообще (и российской в особенности), конечно же, остужает моральную страсть. И если чем-то эту «аналитическую стужу» не скомпенсировать, то холод станет абсолютным. И абсолютно разрушительным.

Хорошо Канту, который свое сверхдлинное введение к «Критике чистого разума» (а на самом деле — отдельное сочинение) называет «Прологоменами ко всякой будущей метафизике, могущей возникнуть в качестве науки». Увы, аналитика элиты — не метафизика. В метафизике холод (вселенский, инобытийный) совместим с постижением сути. (Вопрос, конечно, тоже спорный, но лично я так считаю.) А вот остудите до абсолютного нуля зна-

менитые рассказы Конана Дойла о приключениях Шерлока Холмса — и что получится?

Однако чем же компенсировать холод элитологии? Внепредметными моральными сентенциями? Мне кажется, что это и безвкусно, и контрпродуктивно. Конечно, можно что угодно смонтировать с чем угодно. Например, «Игру в бисер» Гессе и гетевские «Страдания юного Вертера». Но это называется «китч». А где китч, там всегда глумление.

Глумиться же по поводу нынешних российских (да и международных) элитных сюжетов «есть тьма охотников». Вот пусть они и продолжают глумиться. Для меня же описываемое — это не фарс, а трагедия. Речь идет об огромной беде, наползающей на страну и мир. Какое глумление?! Какой китч?!

Тут-то и появляется слово «нерв». Нерв адресует к боли. Единственный компенсатор элитного холода — эта самая боль. Нет ее — элитная аналитика превращается в апологетику цинизма.

Но и сводить все описание к боли тоже нельзя. Нельзя даже вплетать эту самую боль в ткань основного исследования. Как нельзя и потерять болевые пульсации. Поэтому очень важно поговорить о нерве исследования до его начала. Что я и делаю.

Беря быка за рога, я заявляю, что нерв моего исследования — сугубо политический. Это не значит, что исследование политическое. Но нерв именно таков. Я обеспокоен современной российской ситуацией больше, чем когда-либо. И еще больше я обеспокоен тем, что на моих глазах сооружается (кем-то по недомыслию, а кем-то специально) **АБСОЛЮТНО ГУБИТЕЛЬНЫЙ АППАРАТ ПОНИМАНИЯ** этой трагической ситуации.

Идет понятийная война. Или, точнее (поскольку аппарат не всегда строго рационален и понятиен), война за право давать явлениям **ИМЕНА**. Как только война за имена будет выиграна теми, кто абсолютно не заинтересован в российской государственности (а дело идет к этому), развернется серия других войн. Информационных, идеологических, политических и так далее. Эти войны будут идти «внахлест» одна за другой. По некоторому сетевому графику. Специалисты по управлению кризисами знают, что это такое.

Но главное — война за имена. Когда она проиграна — остальное становится делом техники. А значит, ее надо выиграть. Но как?

Основное правило ведения подобной войны — **НЕ ЛГАТЬ**. Говорить только правду. Самую жесткую — и при этом по возможно-

сти глубокую. Только так и можно отражать атаки агрессивной пошлости, которая всегда будет рекламировать себя как бескомпромиссная правдивость в описании реальности.

К моему глубокому сожалению, происходит нечто другое. Атакующая сторона (а это, как и двадцатью годами ранее, отнюдь не друзья России) позволяет себе сказать определенную правду о ситуации, вмонтировав в нее «понятийные мины». Обороняющаяся сторона, по сути, называет эту правду о ситуации «тенью, навводимой на плетень», и этим обезоруживает себя. Да и можно ли в подобных ситуациях только обороняться?

КОРРУПЦИЯ — это первое из направлений в войне за имена.

Обороняющейся стороне кажется очень разумным уравнивать российскую коррупцию с коррупцией в любой другой стране. И не только в стране так называемого «третьего мира», но и в развитой стране.

«А что, там нет коррупции? — говорят обороняющиеся. — Там ее, что называется, через край! У них — операция «Чистые руки». У нас — война с «оборотнями». Все как у людей. Да, не сумели еще справиться... Но ведь боремся! Да, есть криминализация... А где ее нет? Если даже у нас она больше, чем где-то, так ведь мы же боремся! Давайте активнее бороться, законы принимать, к международным конвенциям по борьбе с коррупцией всерьез присоединяться!»

Над всем этим реет дух прагматизма. Он-то и мешает понять суть. «Давайте сделаем это, это, это! Изучим опыт! Применим! Учтем специфику! А главное — что болтать? Делать, делать надо!»

В анекдоте советского времени фигурировал некий партийный работник, который соревновался с высокоорганизованными приматами в решении задачи по снятию банана с шеста. При том, что рядом лежал другой шест. Приматы (вновь подчеркну, что речь идет об анекдоте) после нескольких попыток стряхнуть банан внимали рекомендации наблюдавших за их поведением ученых: «Думать надо!» И брали лежащий рядом второй шест и сбивали банан. А вот дискредитируемый в анекдоте (между прочим, вполне «военно-политический» жанр!) партийный работник неуклонно пытался стряхнуть банан с шеста. На восклицания же ученых: «Думать надо!» — этот герой анекдота гордо отвечал: «Что думать-то? ТРЯСТИ НАДО!»

Обороняющиеся хотят «трясти». В этом и есть пафос философии прагматизма. (Справедливости ради должен сказать, что я

встречал подобных обороняющихся не только в России, но и в других странах мира. Причем в таких странах, которые кто-то считает «интеллектуально эталонными». Там тоже хотят «трясти». Правда, против них не ведется такая война, как против России. Пока что, во всяком случае.)

Но прагматизм не должен превращаться в невроз. В это самое «трясти надо». Нельзя заклинять универсальным словом «коррупция» российские процессы. Нельзя на этой основе вести войну за имена.

Потому что оборонительным именам «коррупция» и «криминализация» будет противопоставлено наступательное имя «криминальное государство».

Вы будете говорить, что у вас коррупция и криминализация? А вам скажут, что у вас криминальное государство. Да что там скажут, уже говорят! Орут во все горло. Обороняющиеся не слышат. Так же они не слышали и двадцатью годами ранее...

Какую правду (а тут нужна только правда) можно противопоставить убийственному для страны имени «криминальное государство»? И ощущается ли степень убийственности этого имени? С точки зрения международного права, вмешательство во внутренние дела страны не может быть оправдано «экспортом демократии». Никто ведь не экспортирует демократию в Саудовскую Аравию. Ну, монархия и монархия. И в Китай никто экспортировать демократию не будет. Мне ответят, что и туда, и туда ее экспортировать не будут по другим причинам, а много куда — уже экспортировали. И это так. Но это никоим образом не избавляет от необходимости воевать за имена.

Прогрессивное человечество (иначе — цивилизованное сообщество) не имеет права вести боевые действия против какой-либо страны только потому, что там нет канонического демократического устройства. Может, оно, это прогрессивное человечество, и собирается ввести такую норму, но пока этого не произошло.

А вот вести боевые действия против криминального государства (криминального, а не криминализованного! — почувствуйте разницу!) прогрессивное человечество имеет право. И моральное, и юридическое. И, когда имя «криминальное государство» оформляется окончательно, возникает некий легитимный соблазн. Возможно, имя для того и оформляют, чтобы он возник.

Мне возразят, что от таких соблазнов Россию хранит ядерный щит, а не война за имена.

Ядерный щит — очень нужная вещь. Он сохранил СССР? Что?! Не слышу!!!

Но дело ведь не только в «войне за имена». Что ПО СУТИ представляет собой нынешний процесс? Коррупция — это фактор, осложняющий норму. Это деформация нормы. Как сказали бы физики, «шумы». Что является нормой? Или «сигналом на фоне шумов», если продолжить заимствованные из физики аналогии? И можем ли мы отделить шум от сигнала? А если не можем, то имеем ли право говорить о коррупции? И о чем должны говорить?

Больной имеет право знать настоящий диагноз. Диагностика и средства лечения связаны между собой. Кроме имен, есть еще и реальность. Она всегда имеет самодовлеющее значение. Но она еще и банк прецедентов, разрушающих неверные имена.

Скажите: «коррупция» — вам предъявят такие элементы реальности, которые с этим именем несовместимы. Скажете: «национальное возрождение» — сделают то же самое. Так же поступали двадцатилетием раньше.

И все-таки в чем диагноз?

Для меня сложное словосочетание «воронка взрывного неорганичного первоначального накопления» — не сконструированное имя, призванное бороться с другими именами. Это правда о реальности. Правда размещена между этой самой коррупцией и криминальным государством. Она не совпадает ни с тем, ни с другим. Она мрачна, эта правда. Ну, так я же не воспеваю ее. Вот уж чего не делаю, так это не воспеваю. Двадцать лет назад я опубликовал книгу «Постперестройка» и предсказал все негативные черты нынешней реальности. Я сделал все, что было в моих силах, чтобы не допустить сползания страны в эту реальность. Но страна сползла туда. Элита помогла этому, а народ... как минимум, не воспротивился.

Теперь мы находимся в воронке взрывного неорганичного первоначального накопления. То есть беспрецедентного первоначального накопления, которое не может быть сопоставлено ни с английским, ни с французским, ни с немецким, ни с каким-либо еще. Китай не захотел этого взрыва первоначального накопления. Он противопоставил взрыву (то есть спонтанному одномоментному выплеску) быстро текущую управляемую реакцию.

Мы же осуществили взрыв посильнее черновобильского. Где взрыв, там и зона. После взрыва в Чернобыле образовалась осо-

бая зона. И она сложным образом развивается. Экзотические мутировавшие растения, животные...

Зона, образовавшаяся после взрыва первоначального накопления (он же «шоковые либеральные реформы» — еще одно неверное имя), не менее специфична. Изменить эту специфику извне нельзя. Ее можно и должно изменить изнутри.

Но что значит изнутри? Это значит — в соответствии с логикой развития данной беспрецедентной специфичности. При этом абсолютно необходимо оговорить, что внешние силы, предупрежденные о том, что сформируется зона (книга «Постперестройка» была напечатана до событий августа 1991 года, и уж тем более до «шоковых реформ»), сделали, тем не менее, все возможное, чтобы соорудить огромный социальный «Чернобыль» на постсоветском пространстве. И теперь пытаются уйти от ответственности, возмущаясь по поводу специфики бытия в ими же инициированной зоне.

Из первоначального накопления выходят по-разному. Кто-то и не выходит вообще. Тогда возникает своего рода социально-политико-экономическая «черная дыра». Если мы не хотим, чтобы она возникла в России, надо выходить из воронки первоначального накопления, учитывая ее особый характер (взрывной процесс, отсутствие органичных предпосылок и прочее).

Но нельзя выходить из процесса, не понимая, в чем он состоит.

Нельзя выходить из процесса, не давая верных имен.

Нельзя выходить из процесса, не опираясь на его, процесса, слагаемые.

Соответственно, стоит поговорить о другом имени —

О Л И Г А Р Х И Я.

Началось все с комического использования этого имени.

Олигархами стали называть Гусинского, Березовского и других сходных персонажей. Назовем их (сейчас станет ясно, зачем) «олигархами-1». Всем, кто что-то понимал в реальном процессе, было ясно, что «олигархи-1» — это явно «прилагательное», а не «существительное». «Существительным» же являлись некие собственно властные силы, с чьей помощью ничего не знавшие и не умевшие вчера бизнесмены стали «олигархами-1».

Даже когда говорили «Семья», то речь шла уже о чем-то более крупном, потому что всем было понятно: «Семьи» нет без «отца». И «отцом» данной «Семьи» является президент Ельцин. Совершенно необязательно, кстати, для этого было приводить пороча-

щие аналогии (мол, «семья»... «крестный отец»... «мафия»...). Слово «фонди», то есть «семьи», давно используется аналитиками элиты. И означает оно действительную олигархию Запада. С корнями в добуржуазной (а кто-то считает, что и еще более почтенной по возрасту) западной элите.

Но и Ельцина было мало при разговоре об «олигархии-1». По крайней мере, это было слишком общо. Было ясно, что у Гусинского, например, один спецслужбистский бэкграунд (и он этого не скрывает), а у Березовского — другой (и он это тоже не скрывает). И что конфликт Березовского с Гусинским, предшествовавший их примирению в 1996 году, — это конфликт спецслужбистских бэкграундов. Самое яркое проявление конфликта — знаменитая операция «Лицом в снег» 1994 года.

В любом случае, награждая кого-то из постсоветских бизнесменов кличкой «олигарх», наша аналитика категорически отказывалась обсуждать элитный бэкграунд. Но каждый компетентный и внимательный читатель российских газет (только газет!) понимал, что бэкграунд есть. И было очень смешно.

Все, что происходит сейчас в России, серьезнее. И не сейчас, а много лет назад (вскоре после того, как был избран президентом Владимир Путин), я предсказал коллизию злата и булата, описанную великим русским поэтом Пушкиным.

«Все моё», — сказала злато;

«Все моё», — сказал булат.

«Все куплю», — сказала злато;

«Все возьму», — сказал булат.

Я уже начал описывать эту коллизию в книге «Слабость силы», по отношению к которой книга «Качели» в каком-то смысле является продолжением. А в каком-то — развитием и теоретическим обобщением. Еще тогда я подчеркнул (и сейчас подчеркиваю опять), что эта коллизия не носит уникального характера и не относится только к России. Спецслужбистские конгломераты во всем мире все более явно становятся отдельными элитными игроками, конкурирующими с крупнейшими финансовыми, сырьевыми и промышленными империями.

Но в условиях первоначального накопления этот процесс полемики злата и булата всегда протекает особо остро. А если первоначальное накопление превращается в воронку... Если оно носит неорганичный взрывной характер... то тем более.

И вот мы имеем — как минимум, в плане обсуждения экспертным и журналистским сообществом, но и не только — некую «олигархию-2». Она ближе к понятию олигархизма как такового, то есть соединения власти и собственности. Она уже не «прилагательное», а «существительное». И можно сказать, что это ужасное «существительное». И призвать с ним бороться.

А можно поступить иначе.

Сначала зафиксировать, что это «существительное» есть отнюдь не только в России.

А затем задать вопрос себе и другим: «Ситуация, в которой оказалась Россия, ужасна. Это самое «существительное» возникло в качестве производной от ситуации. От этой самой «воронки взрывного неорганичного первоначального накопления капитала». То, что из ситуации надо выбираться, понятно. То, что не выбраться из нее значит погибнуть, тоже понятно.

Но эти самые «олигархи-2» — что они такое? Средство затягивания в воронку и усугубления ситуации? Тогда с ними действительно надо бороться во имя спасения России. Или же это весьма специфическое, но все же средство выхода из ситуации, перехода от первоначального накопления к чему-то другому? Тогда это средство надо использовать. Конечно, с оглядкой на его специфические качества, но во имя преодоления того, что несовместимо с жизнью России вообще».

Короче, можно ли в этих условиях огульно демонизировать понятие «олигархия»? Или, точнее, «олигархия-2»?

В принципе, никакая олигархия никогда не может и не должна быть воспета. Но что делать нам, находясь в ЭТОЙ реальности и действуя по ЕЕ законам? Если реальность такова, то все, на что мы можем опереться для преодоления ее негативов, или слабо, или повреждено. Можно и должно пытаться усилить слабое и проводить аналитику повреждений, а также их частичное исправление. Но в итоге нам все равно придется опираться на то, что адекватно реальности. Повторяю, я сделал все, чтобы мои сограждане избежали подобной участи. Но я не хочу превращать аналитику действия в беспомощные восклицания. И я понимаю, что аналитика действия обязательно должна укореняться в реальности. СВОЕЙ РЕАЛЬНОСТИ! С В О Е Й!

Что это за реальность? Можно ли ее просто очищать?

Я считаю, что простое очищение ЭТОЙ реальности еще более

малопродуктивно сегодня, нежели андроповские или раннегорбачевские очищения, ассоциированные, например, с такими забытыми ныне людьми, как русские «комиссары Каттани» XX века Гдлян и Иванов.

Гдлян и Иванов, кстати, и тогда сыграли весьма печальную и двусмысленную роль. Потому что их узкопрофильная борьба с колоссальной коррупцией на юге СССР оказалась и одним из источников отпадения южных республик от СССР, и в чем-то отрицанием самой идеи антикриминальной борьбы (точнее, укреплении наиболее ортодоксальных элементов криминального мира за счет подавления элементов менее ортодоксальных).

Можно ли считать мои заявления апологетикой воровства? Апологетикой воровства были заявления трубадуров перестройки, призывавших опереться на антисистемный элемент ради низвержения и преобразования Системы. Эти трубадуры проклинали меня как замшелого консерватора, «таинственного советника кремлевских вождей». Теперь они же (и это очень показательно) живописуют созданную с их помощью реальность как неисправимо криминальную. Я же искал методы исправления той реальности и ищу методы исправления этой реальности. Ничего не воспевал тогда и не воспеваю сейчас. Я только знаю, что благими пожеланиями вымощена дорога в ад. И не хочу мостить дорогу в этом направлении. Вот и все.

**ТУТ СТРАШНО ВАЖНА ТОЧКА ОТСЧЕТА.
ОНА ВСЕ ОПРЕДЕЛЯЕТ.**

Скажи мне, где находимся, и я скажу, что делать.

Если мы находимся в воронке взрывного неорганичного первоначального накопления, то рассуждения об отвратительности воров вообще и воров в погонах в особенности — мягко говоря, крайне неконструктивны («поздно пить боржом, когда отвалились почки»... «вспомнила бабка, как девкой была»... и так далее). Это не значит, что я воспеваю воровство. Воровство отвратительно. Люди в погонах должны быть честны. А теперь давайте оглянемся вокруг и спросим себя: «Что делать?»

Не что орать на «оранжевых» митингах, а что делать?

На Украине после «оранжевых» митингов стало меньше воровства?

В Киргизии «очистительная революция тюльпанов» была свободна от наркомафии?

Еще раз спрашиваю: что делать? И не только спрашиваю, а отвечаю.

Мой ответ отнюдь не прост и не однозначен. Но я других не знаю. Мой же звучит так: **надо попытаться управлять элитогенезом.**

Перед кем я ставлю эту задачу?

Прежде всего, давайте договоримся, что ставлю ее не я. Я описываю ситуацию и обнаруживаю внутри нее именно эту задачу. Решить такую задачу может только элита. А отчасти и власть. Но для того, чтобы власть начала ее решать (а точнее, идти навстречу элите в ее решении), нужно осознать, что альтернатив решению этой задачи нет. Что все остальное бессмысленно.

Бессмысленно применять любые другие технологии. Как нормативные (борьба с коррупцией etc.), так и политические (балансы, сдержки и противовесы). Кто не понимает значения сдержек и противовесов? Все читали соответствующую политологическую литературу. Все знают как об общемировом, так и о конкретном цивилизационном — в том числе византийском — опыте. А почему только византийском? *Divide et impera* («разделяй и властвуй») — это заповедь величайшего древнего государства мира, еще единого Рима. Эта заповедь усвоена всей западной цивилизацией, да и не только западной.

Но у сдержек и противовесов (они же византийская форма управления) есть один очень серьезный изъян. Так можно управлять только достаточно благополучной реальностью. Да и то лишь все время понижая потенциал этого благополучия. Управлять так в условиях неблагополучия невозможно. А в условиях крайнего неблагополучия — тем более.

В этих условиях нужен только один тип управления — управление элитогенезом. Содействовать осознанию безальтернативности такого подхода — моя задача. Управлять же элитогенезом — задача класса и власти.

Управление элитогенезом в условиях специфического первоначального накопления не имеет ничего общего с очищением. Или, по крайней мере, никак не может к нему сводиться.

Если наше общество всего лишь сильно деформировано (коррупцировано, криминализировано), то его можно пытаться очистить.

Но если мы втягиваемся во взрывное неорганичное первоначальное накопление, то можно только пытаться управлять ЭТИМ элитогенезом. Потому что другого нет. Не потакать ему, а управ-

лять им, вырываясь из воронки. Управлять... Рисканное и сомнительное занятие, но других просто нет.

В соответствии с моим диагнозом я строю и критерии оценки.

Если некто стал главой крупной нефтяной компании, равной по весу чуть ли не компании Рокфеллера, то для меня сегодня вопрос не в том, КАК он стал подобным главой. Вопрос в другом: ПОЧЕМУ он не стал Рокфеллером?

Пресловутый пример с корсаром Морганом — весьма избит. Но и им нельзя пренебрегать в нынешней ситуации. ГЛАВНЫЙ ВОПРОС: КТО В ЭЛИТЕ ПОДНИМЕТСЯ ДО ПОЛНОМАСШТАБНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ ЗА НОРМАЛЬНОЕ ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ГОСУДАРСТВА?

Вот отправной пункт любых исправлений.

Прежде всего, оговорю, что речь идет об ЭЛИТНОЙ ответственности. А не об ответственности ПОЛИТИЧЕСКОГО ИСТЕБЛИШМЕНТА. Элита и истеблишмент — вещи разные.

Далее надо оговорить, что речь идет о социальной ответственности. А не об ответственности административной.

Истеблишмент — это администраторы. Я не хочу обсуждать качество нынешнего администрирования. Это не моя тема. Я знаю, что в странах, переживающих нечто сходное с тем, что происходит у нас, нужен дееспособный властный класс. Что любой администратор, в том числе и высший, здесь является ставленником класса. Что, конечно, президент как высший администратор должен как-то согласовывать интересы класса и интересы народа (причем обязательно в пользу народа).

Но главное даже не в этом.

Сначала класс должен хотя бы заявить, что это его государство. Во-первых, ЕГО и, во-вторых, его ГОСУДАРСТВО. Не его корова, которую он доит или забивает на мясо, а его ГОСУДАРСТВО. Государство должно функционировать нормально. Сказав «это мое государство», класс должен обеспечить нормальное функционирование своего государства.

Это твое государство? Обеспечь нормальную армию. То есть здоровых солдат, причем достаточно образованных для владения современной военной техникой. Обеспечь эту технику, то есть военно-промышленный комплекс. Обеспечь промышленность как таковую, без которой не может быть военной промышленности. То есть обеспечить новую индустриализацию. Обеспечь инженерный

корпус, а не плати инженерам на предприятиях ВПК зарплату, эквивалентную 500 долларам США, гарантируя тем самым их социальное недовоспроизводство и маргинализацию. Обеспечить соответствующий квалифицированный рабочий класс. Обеспечить кадры, которые будут готовить инженеров, то есть учителей вузов и средней школы. Эти люди должны лечиться? Обеспечить медицину.

Мы взяли только один аспект — армию. И вот сколько сразу всего это за собой потянуло. Армии нужна идеология. Идеологии нужна культура. Нет армии без связи элиты и общества. Нет связи без открытой социальной перспективы.

А ведь речь идет не только об армии. Государство — сверхсложная система. Нельзя создать полноценное государство, не управляя социальной энергией, общественными процессами. Если в обществе углубляется социальная дистрофия, оно не способно удержать на своих плечах крест государственности.

Я называю только простейшие вопросы. Есть гораздо более сложные.

Какой представитель класса и какой класс готов говорить: «Это мое государство»? И отвечать за сказанное? Как только эта ответственность станет полноценной и коллективной (классовой), ситуация изменится.

Возникнет то, что я и мои коллеги называем СУБЪЕКТ. В данном случае — СУБЪЕКТ ВЫХОДА ИЗ ВОРОНКИ ВЗРЫВНОГО НЕОРГАНИЧНОГО ПЕРВОНАЧАЛЬНОГО НАКОПЛЕНИЯ КАПИТАЛА.

Этот субъект может обладать массой несимпатичных качеств. Он может плохо обращаться с народом. И это ужасно. Но такой СУБЪЕКТ для народа все равно менее страшен, чем БЕССУБЪЕКТНОСТЬ. Сейчас с народом расправляется именно эта бессубъектность. Она расправляется безжалостно. Самый свирепый ПОЛНОЦЕННО ГОСУДАРСТВЕННЫЙ класс будет расправляться менее безжалостно. И положение народа улучшится. Это первоначальное улучшение будет сопровождаться появлением новых перспектив...

Кое-кто радостно воскликнет: «Ну, вот он и подставился! Ему только бы был субъект. А если субъектом будет Гитлер?»

Что ответить? Простейший вариант ответа таков: «Предположим, что занятия боксом или каким-то еще боевым видом спорта

активизируют в юношах программу агрессии (хотя многие считают, что это не так). Предположим, что один из этих «разбуженных» юношей резко переберет в агрессии и превратится в серийного убийцу. Значит ли это, что надо запретить занятия боксом и усадить всех юношей за вышивание? Не проще ли констатировать, что серийный убийца (он же — Гитлер) отвратителен и неприемлем? И в соответствии с этим действовать. Почему при этом нельзя одновременно утверждать, что занятия боксом (они же — переход от бессубъектности к субъектности) абсолютно необходимы?»

Можно было бы этим и ограничиться. Но я все-таки разовью данный ответ.

Гитлер (и это сейчас уже можно считать доказанным) не считал ценностью и тем более сверхценностью ни немцев, ни Германию. Лозунг «Германия превыше всего» был абсолютно спекулятивным. Что именно Гитлер считал сверхценностью — это отдельный вопрос... Некий вариант мирового господства... Какой-то ультрагностический проект... Но только не Германию. Политик, который действительно будет считать свое государство сверхценностью, ничего подобного тому, что делал Гитлер, делать не будет.

Гитлер — политик, а не политический класс. В условиях диктатуры и политик может быть отчасти субъектом. Но все же важнее класс. В Германии были вполне субъектные классы. Как крупная буржуазия (Крупп и другие), так и латифундисты (прусская военная аристократия). Они побоялись брать власть. Побоялись проявить несостоятельность, оказаться один на один с взбудораженными низами. И передали власть маргиналу и его банде. Передали под некие обязательства (угомонить массы, «зачистить» коммунистов). Результатом отказа от субъектности стали гитлеризм, нацизм и все остальное. Если класс по-настоящему субъектен, он никогда ничего такого не сделает. Подлинно субъектный класс — защита от сценария гитлеризма, а не провоцирование одного.

И, наконец, главное. Гитлер возник потому, что народ озверел от бессубъектности в сочетании с послевоенным деградационным процессом. Народ чувствовал, что его затягивает в воронку этой бессубъектности, а вытягивать его оттуда никто не хочет. Вот что знаменовала собой Веймарская республика. И вот что, по сути, породило Гитлера. Всякую бессубъектную паузу в условиях затягивания в воронку можно называть «веймаризацией». Чем дольше длится веймаризация, тем вероятнее сценарий гитлеризма.

Но вернемся к позитивным перспективам, которые возникнут в случае выхода России из бессубъектности.

Обсуждать эти перспективы нельзя до тех пор, пока нынешнее состояние общества не будет названо. Так давайте признаем, что это нынешнее состояние — системный регресс (деиндустриализация, декультурация и так далее). Давайте назовем это имя — РЕГРЕСС. И тогда многое станет ясным.

Но кому нужно, чтобы возникла ясность? Нужно ли это тем, кто атакует нынешнюю условно властную группу примерно с теми же целями, с которыми двадцатью годами ранее атаковали коммунистическую номенклатуру? Нет, им это абсолютно не нужно. Потому что если слово «регресс» будет названо, то окажется, что атакующие отвечают за возникновение этого самого регресса. Что они не прогрессоры (патетический образ из романов Стругацких, который атакующие с удовольствием используют), а регрессоры. Кроме того, атакующие не для того создавали регресс, чтобы он был назван, а значит преодолен.

Итак, атакующим это совсем не нужно. А обороняющимся? Свойство бессубъектных ситуаций в том и состоит, что прорыв к субъектности блокируется успокоительными словами. Не зря ведь двадцать лет назад так настойчиво говорилось: «Не надо драматизировать!»

НУЖНО говорить о регрессе. УДОБНО — говорить о национальном возрождении. Прорваться к субъектности можно только вырвав необходимое из цепких объятий оптимистически-бессмысленных слов.

Итак, РЕГРЕСС. Назвали имя. Что дальше?

Дальше надо понять, что, пока какой-то класс (или иной элитный макросубъект) не возьмет на себя полноценной элитной ответственности за государство, регресс будет продолжаться. И что в условиях регресса народ абсолютно беспомощен. Может быть, именно поэтому кому-то так надо углублять регресс.

Ведь регресс НЕ СОЗДАЕТ укладов, формаций, классов. Более того, он ПРЕПЯТСТВУЕТ их созданию. Создает же (и возвращает) он только агрессивно-паразитарную элитную субстанцию, которая поедает реальность. Всю целиком. Материальную, а также нематериальную. Это можно назвать «фагократией». Фагократия затягивает в воронку взрывного неорганичного первоначального накопления. Взрывное неорганичное первоначальное накоп-

ление усиливает фагократию. Действует положительная РЕГРЕССИВНАЯ обратная связь.

Как только сформируется «антифагократический» класс (а он не может не стать таковым, коль скоро речь идет о взятии на себя ответственности за ГОСУДАРСТВО), регресс будет — мучительно! — преодолеваться. Как только он будет преодолен, появятся уклады. Как только появятся уклады, появятся классы. Возникнет массовая борьба за социальные права. Эта борьба будет улучшать положение народа. Возникнет настоящий средний класс — а точнее, гражданское общество.

Дееспособное гражданское общество — страшно сложная вещь. Оно требует гражданина, гражданского самосознания, гражданской же солидарности. Что если я с цифрами в руках докажу, что сегодня у нас ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО СИСТЕМНО ЗАМЕЩЕНО КРИМИНАЛИТЕТОМ?

Это может происходить только в пределах регресса. Как только регресс прекратится, начнется новый процесс. А регресс прекратится только тогда, когда возникнет полноценный субъект этого прекращения.

Любой такой субъект, повторяю, лучше бессубъектности.

Хотелось бы, чтобы субъектом стал безупречный или хотя бы нормальный класс. Но, прежде всего, им может стать только класс СТРАТЕГИЧЕСКИ СОСТОЯТЕЛЬНЫЙ. То есть осознавший, что огромное государство — это гораздо большая ценность, чем яхты, дворцы и миллиарды долларов на счетах. Это гораздо большая ценность, чем любые нефтяные или газовые месторождения. Это невероятная, неисчислимая ценность.

Осознав, класс должен захотеть эту ценность, ВОЗЖЕЛАТЬ ЕЕ. Даже для такого вождения он должен приподняться над своим нынешним состоянием. Потому что сейчас он этого не способен даже вождеть. И в этом трагедия момента. Завтра, если мы преодолеем эту трагедию, возникнет другая. И надо будет ее преодолевать. Но если мы не преодолеем эту трагедию, то просто не будет «завтра».

Исторические прецеденты учат нас тому, как именно незрелый класс приподымается хотя бы до полноценного вождения. Как он начинает хотеть этой великой ценности — своего государства.

В самом общем виде можно утверждать, что для этого необходимо адекватное классовое самосознание. Это самосознание от-

части привносит национальная интеллигенция. А отчасти оно вызревает внутри самого класса. Класса — а не административной группы! Класса! Класс — это лучший вариант. Хуже, когда речь идет о макроэлитных группах параклассового характера (так называемых корпорациях и т.д.). Но, в любом случае, речь идет о САМОСОЗНАНИИ. И это встречающий процесс. Интеллигенция, понимая, что судьба страны зависит от состояния класса, идет навстречу классу. Или — другой (сходной с классом по возможностям и структуре) макросоциальной группе, способной стать политическим субъектом, преодолевающим негативные тенденции и формирующим тенденции позитивные.

Крайне важно при этом, чтобы сам этот субъект шел навстречу интеллигенции. Если он занимает глухую оборону, не участвует в идеологической полемике и отказывается от стратегического позиционирования в рамках политического процесса — интеллигенция сама по себе не может сформировать самосознание чужого для нее класса. А отчаявшись, рано или поздно встанет на другой (абсолютно губительный для страны и уже опробованный интеллигенцией) путь.

Отношения интеллигенции и власти — самая больная тема нашей истории. К сожалению, рассмотрение этой (относительно не потерявшей актуальность) неблагодарной темы немедленно оказывается «в клещах» оценочного подхода. Для кого-то власть права, а интеллигенция заражена вирусом губительного негативизма. Для кого-то власть отвратительна, а интеллигенция благородна и спасительна в своей антивластной заданности. Мне бы очень хотелось перевести обсуждение данной темы (а уйти от обсуждения невозможно) в другой регистр.

Предположим, что власть является средоточием всех мыслимых и немыслимых моральных и экзистенциальных позитивов. Что она чиста, честна, стремится к общенародному благу.. Если она при этом разорвала отношения со своей интеллигенцией (или даже ее существенной частью) — она не власть. И ее индивидуальные достоинства не стоят ломаного гроша.

Власть всегда за все ответственна. В 1917 году — за 1917 год. В 1991 году — за 1991 год. И так далее. Власть — это не Николай II и не Горбачев. Очень соблазнительно переложить ответственность на конкретные лица. Власть — это класс. Отвечает — класс. Интеллигенция конца XIX века или конца XX века оказалась таковой не в

силу своих личных качеств, а в силу определенного развития макросоциальных процессов. А кто отвечает за процессы? Власть! Политика — это управление общественными процессами. Не можешь управлять процессами должным образом — заваливаешься в расстрельный ров вместе с миллионами ни в чем неповинных людей.

Неспособность управлять общественными процессами таким образом, чтобы у тебя не отняли макросоциальную энергию твоего общества и не повернули эту энергию против тебя... Неспособность вести информационную и идеологическую войну... Неспособность даже осмыслить себя как целое и специфику своей ситуации... Все это несовместимо с субъектностью. Но еще более несовместимо другое...

Чаще всего, конечно, интеллигенция задана в своей антивластности так называемыми «собственными процессами». В позитивном случае ее антивластность связана с тем, что она просто чувствует, что власть смердит и ведет себя, как «социофаг». В негативном случае она ведет себя так потому, что общественные процессы сформировали ее деструктивным образом. За процессы отвечает власть. Но поскольку человек — существо разумное (да еще, прошу прощения, и моральное), то он сам отвечает за свое состояние. И снимать с интеллигенции ответственность за деструкцию нельзя (конечно же, оговорив иерархию ответственности, что я и делаю).

Но кроме собственных процессов, бывают и процессы вынужденные. Их всегда тяжелее всего обсуждать, потому что... словом, слишком близко все это находится к губительной и абсолютно ложной теории заговора. Но и не обсуждать их нельзя... Значительная часть интеллигентской деструктивности имеет внутренний элитный генезис. Раскол элит порождает очень удобную ситуацию, при которой легко получить заказ на информационную и идеологическую атаку против одной из элитных групп. Кто-то берет заказ на эту группу... Кто-то на другую... И все «при деле».

Но кто заказчик-то? Кто заказывал в 1915-1916 годах тему «шашней Распутина и царицы»? Немецкие агенты?.. А охранка почему их не вылавливала? Да и не проходит эта версия при нынешнем объеме вполне доказательных данных! Сама же имперская российская элита и заказывала эту тему «шашней Распутина и царицы». Этот гной тек из российских элитных салонов в интеллигентские круги и оформлялся в виде соответствующих продук-

тов. Продукты оплачивались. Их изготовители воодушевлялись. А иногда и просто получали приказ. А уже затем все обрушивалось на народные массы. В том числе — солдатские, гнившие в окопах империалистической (им все более непонятной) войны.

Класс, если он субъект, прежде всего, отвечает за элитогенез. Класс, далее, отвечает за управление макросоциальными процессами (в которые этот самый элитогенез, между прочим, вписан). Класс также отвечает за элитную рамку. Глупо призывать: «Давайте жить дружно!» Конфликты будут всегда. Но конфликты конфликтам рознь. Нет рамки — элита гибнет. И страна тоже. И, наконец, класс отвечает по особым игровым обязательствам.

Но об этом ниже. Здесь же я просто обязан оговорить специфику своего подхода при рассмотрении всей элитологической проблематики.

Элита — это, конечно же, не «лучшие граждане». Но это и не граждане, которые успели лучше других устроиться в социальном и, прежде всего, материальном плане. Элита — это игроки. И потому элита отвечает не только за Историю, но и за Игру.

Что такое Игра как особая форма войны элит? Почему к хитросплетениям Игры надо относиться с особым вниманием? Тем, кого не убедил Бжезинский (смотри, например, его книгу «План игры»), мои попутные (я ведь не только об этом пишу) размышления могут тоже показаться неубедительными. Когда-нибудь я сконцентрируюсь только на игровой проблематике в ее самодостаточности (Кант называл это «в себе и для себя»). Здесь же ограничусь отсылкой к чужим работам. Их очень много. Но неужели одного Бжезинского недостаточно?

Гибель СССР — это результат Игры.

И нельзя допустить, чтобы следующим результатом стала гибель России.

Моя книга — не об Игре как таковой, а об играх. О том, как их не проигрывать. Для этого, прежде всего, нужно обладать адекватной игровой рефлексией. То есть понимать, во что играют, какие ходы делают и зачем.

Это понимание — тяжелый труд. Нужна информация, школа, организация сознания и психики. Те, кто не понимает, в чем состоит игра, — не игроки. У них могут быть миллиарды долларов, неограниченные возможности перемещения по игровой доске. И все равно они всего лишь фигуры. Может быть, очень важные, но

фигуры. И они обречены в качестве таковых двигаться в соответствии с пассажами игроков.

Понимание игры необходимо, но недостаточно. Нужны возможности участия в игре. Если нет возможности участия в игре, то тот, кто все о ней знает, — это наблюдатель, а не игрок.

В конце 80-х годов прошлого века политический класс СССР, именовавшийся «номенклатура», страшно обрадовался возможности активного участия в Большой Игре. И не понял, что можно поучаствовать весьма сокрушительным образом. А кто-то понял и заманил в игру. Мы не имеем права не понять в полной мере этот страшный опыт, обернувшийся геополитической и историософской катастрофой. И потому я анализирую происходящее как игру.

Есть такое понятие — «видеошок». Люди, увидевшие себя в первый раз на экране, хватаются за голову, восклицая: «Это же не мы! Не наши лица, не наши фигуры!» Когда-то, наверное, сходный шок был у тех, кто впервые сталкивался со своим отражением в зеркале. Шок игры — это шок, который испытывает каждый, кто видит свое изображение в игровом зеркале. Первая реакция всегда одна и та же: «Это не я!»

Талейран когда-то сказал: «Бойтесь первых побуждений, ибо они самые искренние». Цинизм этой фразы оправдан тем, что великий дипломат адресовал свою рекомендацию не всему человечеству и даже не современному ему «ромео» и «джульеттам», а дипломатам. Тем же, кому он же говорил: «Язык дан человеку, чтобы скрывать свои мысли». Он ведь не Пушкина учил такому способу использования языка, и не политического публициста.

Пусть те, кто отвечает за участие в игре по своей элитной роли, боятся не описания игры, а своих первых реакций отторжения на это описание. Потому что эти реакции не совместимы с их ролевыми функциями. Пусть они преодолеют эти реакции. И тогда, быть может, мы не столкнемся с ухмылками по поводу действий власти в нашей стране, подобными тем, которыми изобилуют упомянутая выше книга Бжезинского «План игры» или его же «Великая шахматная доска».

Моя книга — не детектив, не триллер. Это исследование современной российской истории. Исследование обсуждаемых обществом (и вызывающих у него достаточно глубокое непонимание) конфликтов в нашей элите. Осуществляя такое исследование, я не могу не называть имена. И многие рванутся поначалу выяснять,

кто из называемых для меня плох, а кто хорош. Кто демон, а кто ангел.

Увы, в аналитике элиты (и уже тем более в аналитике игры) нет места подобным дефинициям. И тот, кто будет их искать, пусть даже не берется читать. Я не хвалю, не ругаю. Человек, читающий текст, должен увидеть не героев и негодяев, ангелов и демонов, а очищенных от оценочности АКТОРОВ, участвующих в Большой Игре и трансформируемых этой Игрой по принципу: «Что вам человек! Для вас все люди — числа».

Для Игры все люди — числа. Она превращает людей в эти числа, особые числа, создающие вокруг себя тонкие структуры, игровые поля. Структуры и поля влияют на числа. Числа же, вбирая в себя эту тонкую энергетику, становятся не арифметическими и даже не алгебраическими величинами, а трансфинитными игровыми Алефами.

Игра создает акторов. Акторы влияют на Игру. Человек, увидев в зеркале Игры себя как игрового актора, может не узнать ничего: ни мотивов, ни сюжетов, ни ситуаций. Да, «игровой шок» тяжел для тех, кто первый раз сталкивается с рефлексией на игру. Но если он преодолевается, открываются новые горизонты. Мне кажется, что сегодня открыть эти горизонты важнее, чем когда бы то ни было.

Аналитика игры использует герменевтику. Герменевтику высказываний. Но и не только высказываний... Фактов... Событий... Сюжетов. Герменевтика — это дешифровка, интерпретация. Она не имеет ничего общего со смакованием сплетен. Но она же, чураясь подобного смакования, отрицает пренебрежительный подход к любым публичным высказываниям (мол, «собака лает — ветер носит»). Мне представляется, что ни то, ни другое недопустимо вообще. И вдвойне недопустимо в случае, если речь идет об элитных конфликтах, в рамках которых публичные высказывания — это игровые ходы, элементы информационной и интеллектуальной войны.

Что это такое с практической точки зрения? Если какая-то газета напишет, что высокое должностное лицо съело на завтрак жаренного грудного младенца, то не надо ни негодовать, ни отмахиваться, ни обнаруживать каннибалистские черты в облике дискредитируемого политика, ни пренебрежительно сплевывать: «Тьфу, глупая болтовня!»

Нужно расшифровывать высказывания, определять их игровой смысл и бэкграунд, соединять текст данного высказывания с самого разного рода контекстами, подтекстами, обстоятельствами. Сопрягать этот текст с другими текстами и сюжетами. И обнаруживать в итоге как скрытый смысл (подтекст, надтекст и так далее), так и неявных субъектов высказываний. Это не теория заговора — это герменевтика, наука, которой тысячи лет. И которая сегодня развивается особенно бурно.

Вопли по поводу российских высоких должностных лиц: «Крышуют! Воруют!» — нельзя ни отбрасывать, ни принимать за чистую монету... Кто вопит? Как? Когда? В сопряжении с чем? А главное — зачем? Это просто вопль? Это игровой шаг? Это игровой контур, в котором конкретный шаг подчинен игровой логике и включен в те или иные «многоходовки»?

Аналитик Игры, рассматривая подобное, не солидаризируется с анализируемой информацией и не вытирает об нее ноги.

ОН ВСМАТРИВАЕТСЯ В ТО, ЧТО ОНА СОБОЙ ЗНАМЕНУЕТ.

Я анализирую не событийную буквальность, а то, во что эту буквальность превращает Игра. Я анализирую такие (подобные химическим) реакции, которые определенные высказывания вызывают в мирах, далеких от тех, в коих пребывают высказывающиеся.

Но на событийную буквальность влияет не только Игра. Влияет еще и История (если суше и конкретнее — макросоциальные процессы). Я анализирую и это влияние. Макросоциальные процессы набирают обороты. Ими надо управлять. Иначе они приобретут сокрушительный характер. Но, чтобы возникла возможность управлять процессами, надо их, эти процессы, понять. Вот я и пытаюсь понять, выводя за скобки все, что лакомо для обычной политической журналистики.

Процесс, который волнует меня больше всего, — элитогенез. Какая элита формируется у нас на глазах? Как помочь формированию нужной России элиты?

Общая проблема элитогенеза приобретает в современной России конкретный жгучий характер. Такой характер она приобретает в связи с судорожным (но, как мне кажется, недостаточно полным) обсуждением такого феномена, как «чекизм».

«Ч Е К И З М»... Еще одно имя, требующее не оценочного, а аналитического подхода. Что такое «чекизм»? Это жупел? Узко-

профессиональный бренд? Надутый кем-то пузырь, который вот-вот лопнет? Или же это глубокое порождение всей нынешней российской действительности? Этого самого регресса... Воронки взрывного неорганичного первоначального накопления...

А есть ли «чекизм»? Может быть, его и нет вовсе? Или же он есть? Но тогда чем он является? Потенциальным борцом с регрессом? Классом, готовым к полномасштабной ответственности за государство? Или же он лишь очередной катализатор того же регресса?

В любом случае, он никем и ничем не станет без самоосознания, ответственной и овнутренней рефлексии, направленной на свое актуальное и потенциальное «я».

Осмысление должно быть адекватно реальности.

Оно не должно брать критериальность взаймы у другой реальности. Тогда оно не осмысление — пропаганда.

Нас уже звали на бой с «олигархией-1». Теперь зовут на бой с «олигархией-2». Разные участники нынешних элитных процессов, процессов безумно многоуровневых и невероятно сложных, осуждают частные проявления этих процессов как «олигархизм». А им в ответ другие участники бросают обвинения: «Да сами вы олигархи!».

При чем тут олигархия (-1, -2, -3 и так далее)? Боже правый, о чем вы? Разве в этом сейчас дело? Разве таковы сегодня ставки в игре? Разве так безоблачно мы живем, что самое плохое в рамках наличествующего — олигархия? Увы, это совсем не так.

Если бы корсар Морган реинкарнировался в тело русского олигарха, вобрав в себя карму еще более ужасных пиратов («пятнадцать человек на сундук мертвеца... йо-хо-хо!.. и бутылка рома!»), если бы сам обладатель сундука передал реинкарнируемому всю свою карму, но это реинкарнируемое ответственно заявило бы: «Это мое государство!» — то ситуация стала бы в тысячу раз менее мрачной, чем нынешняя.

Но нет этой реинкарнации. Зло элитной бессубъектности замещает злую субъектность. И это зло элитной (классовой или иной) бессубъектности оказывается несопоставимо более ужасным.

Что же все-таки происходит с теми, на кого уже науськивают общество? Вопрос ведь не в тех, кто науськивает, и не в тех, кто «науськивается». Вопрос в поведении самой жертвы. А также в том,

что делает ее, а через это и всех нас, именно жертвой. Ведь не науськивания же! Давайте я начну науськивать мышь на кота!

Жертву делает жертвой ее мышление. Внутри мышления опаснее всего так называемый «трезво дифференциальный» подход. Ты выступаешь на своем клубе, говоришь о некоей ответственности за процессы, происходящие в России... К тебе подходят в перерыве и говорят на голубом глазу: «А почему «чекизм» должен за это отвечать? У нас, чекистов, есть свои профессиональные рамки...»

Профессиональные?..

«Есть такая профессия — Родину защищать». Елки-палки, у тебя такая профессия!.. ГДЕ РОДИНА?

По факту СССР погиб? Погиб. СССР — государство? Государство. Смерть — это крайняя форма опасности? Профессия — государственная безопасность? Государство оказалось не защищено от крайней формы опасности — смерти охраняемого объекта. А ответственности нет. Вины нет...

ПРОФЕССИОНАЛЬНЫЕ?!!

В нехудшем американском фильме «Телохранитель» герой-охранник переживает, что его не было рядом с Рейганом во время покушения. Его не было, потому что он хоронил свою мать. Он какую ответственность переживает? Административной ведь нет... Ему подписали соответствующие бумаги. Моральной тоже нет. Он выполнял самый святой человеческий долг. Почему он страдает, чуть ли не сходит с ума?

Значит уже с профессиональной ответственностью все не так просто. Если, конечно, не путать профессиональную ответственность с административной, а административную — с чиновно-бюрократической. Но можно ли говорить только о профессиональной ответственности, разбирая классовую (или даже прото-классовую) коллизию?

А с политической ответственностью все еще намного серьезнее.

Профессионально за результаты военных действий в Первую мировую войну отвечали царь и его военные (ну, Великий князь Николай Николаевич, Сухомлинов, пока был военным министром, и так далее). А социально, классово ответила моя бабушка — молодая девушка, не занимавшаяся ни управлением войсками, ни какими-либо политическими вопросами, но имевшая несчастье принадлежать к привилегированному классу российского общества.

Ответила она по факту принадлежности. Той принадлежности, которая во многом поломала ей жизнь.

С моральной точки зрения это абсолютно несправедливо. А исторически — неотменяемо. Бабушка-то еще пострадала по минимуму. А сотни тысяч других бабушек и дедушек — ох, как ответили... И в социальном смысле — обоснованно. Назвался классом — ответствуй. И не индивидуально, а коллективно.

Можно, конечно, считать военные неурядицы 1914–1917 годов причиной краха империи и имперской элиты. Но сами-то неурядицы чем были порождены? Происками смутьянов? Спрашиваю еще раз: что делала охранка? Экономической и социальной отсталостью России? Вам с цифрами на руках покажут, что это не так. Тогда чем же? Я УВЕРЕН, ЧТО РЕАЛЬНЫМ ИСТОЧНИКОМ И ЭТОЙ РОССИЙСКОЙ ТРАГЕДИИ, РАВНО КАК И ТРАГЕДИИ 1991 ГОДА, БЫЛ ВНЕРАМОЧНЫЙ КОНФЛИКТ ЭЛИТ. ОН ЖЕ — КАЧЕЛИ.

Где качели — там и новые возможности для Большой Игры. Казалось бы, возможности и возможности... Они ведь не только у других, но и у тебя. Пользуйся!

И вот тут оказывается, что другие играют лучше. Не воюют, не хозяйствуют, не управляют лучше... ИГРАЮТ.

Игра — кровавая и беспощадная штука. В этом смысле она — зло. Но и война тоже зло. Игра — страшное и отвратительное занятие. Но неизбежное для элиты. Страшнее и отвратительнее Игры как таковой только одно — ПРОИГРАТЬ ИГРУ.

Игрок всегда интегрален. Винт в административной машине всегда дифференциален. Генезис этого отличия, пожалуй, стоит разобрать немного подробнее.

Серьезный марксизм проводит четкое разграничение между отчуждением и эксплуатацией. Источник эксплуатации — классовая структура общества. Источник отчуждения — разделение труда. Есть разница? Даже при преодолении классовой структуры отчуждение остается. Можно ли его в принципе преодолеть — это открытый вопрос. Но на каком-то этаже социальной иерархии оно в каких-то формах всегда преодолевается. Нельзя создать систему, в которой все на свете только дифференцируется. Где-то дифференцируемое должно интегрироваться. От того, где и как оно будет интегрироваться, зависит судьба человечества в XXI веке. Узкая специализация должна преодолеваться. Иначе иронические

пассажи Козьмы Пруtkова («специалист подобен флюсу») превратятся в катастрофу потери управления самоусложняющейся реальностью.

Есть управленцы. И есть то, чем они управляют. Предположим, что они управляют Россией. Россия как объект, которым они управляют, делится на миллионы частных. И каждый отдельный управленец осуществляет управление одной из этих частных. Но кто управляет целым? И можно ли собрать целое из этих частных? Мне скажут, что целым управляет президент России, который отвечает за все. Но президент России не суперкомпьютер и не Солярис. Он человек. Так кто же отвечает за целое?

Чтобы ответить на подобный вопрос, надо мучительным для многих образом расчлнить неправомерно сросшиеся понятия «управление» и «власть». Управление начинается там, где происходит дифференциация. Власть начинается там, где происходит интеграция.

Итак, управленец (чиновник, бюрократ, технократ) отвечает административно, то есть ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНО. Власть же в целом («класс»), а также представители класса, отвечают политически, то есть ИНТЕГРАЛЬНО. Хотелось бы, чтобы осталось место и для высшей ответственности — метафизической, экзистенциальной, исторической, моральной, социальной. Но политическая ответственность для класса неотменяема ни в каком случае.

Видите ли, «за культуру отвечает министр культуры, а за информацию — министр информации. Конкретный же работник, занятый безопасностью, отвечает только за порученный ему сектор работы»...

Знаете, как классики это называли? «Формально правильно, а по существу издевательство».

«В ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНОМ плане все правильно, — скажем мы в ответ на такие, по сути своей глубоко чиновные, рассуждения об ответственности. — А в ИНТЕГРАЛЬНОМ (то есть политическом) плане это абсолютная чушь».

Между тем, для того, чтобы «чекизм» существовал как политическое явление (кого он интересует в любом другом смысле?), он должен выйти за ДИФФЕРЕНЦИАЛЬНЫЕ РАМКИ. За рамки отчуждения как такового. Выйти в совсем другое пространство, туда, где находятся по-настоящему серьезные целостности: История... Класс... Судьба... Страна... Элита... Народ... Наконец,

ИГРА... Так созрел ли «чекизм» до того преодоления отчуждения, без которого властный субъект невозможен? И как получить ответ на такой вопрос?

Пока адресат подобного вопрошания мучается («чи созреть, чи ни»), стремительно нарастает не только историческая ответственность. Нарастает еще и вызов Игры.

«Ты звал меня на ужин? — спрашивает Командор в «Каменном госте». — Я пришел».

«Вы хотели открыться, войти в наш мир? — говорят представителям нашей элиты изощренные международные субъекты, ведущие Большую Игру. — Входите, милости просим! Вы в наш мир... если сможете... МЫ ЖЕ — В ВАШ "НАИВНЯК"».

Как я отношусь к поиску конкретных связей между конкретным работником, участвующим в конкретном конфликте (мелком, «мебельном», или даже более крупном), и игровыми сущностями (всякими там «Триадами», «якудзами», «драконами», «медельинами», «кали» или еще более крупными сущностями)? Как к полной и стопроцентной конспирологической галиматее. Я могу эту галиматею анализировать в качестве информационных мифов. Но я никоим образом не солидаризируюсь с подобной конспирологической дурью.

Конкретный работник может быть абсолютно честен. И абсолютно детерминирован в плане своих мотиваций какой-нибудь позитивной задачей или просто выполнением должностных обязанностей.

Но это не значит, что рядом с ним не вьется Игра. Нельзя бросаться из крайности в крайность. И противопоставлять конспирологическим мифам — описания, взятые взаймы из фильмов эпохи развитого социализма.

Ты можешь быть абсолютно чужд Игре и совершенно не заниматься ею. **НО ЭТО НЕ ЗНАЧИТ, ЧТО ИГРА НЕ БУДЕТ ЗАНИМАТЬСЯ ТОБОЙ... БУДЕТ, БУДЕТ! ОНА БУДЕТ ВРЫВАТЬСЯ ВНУТРЬ ТВОЕЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ И МОТИВАЦИИ, ТРАНСФОРМИРОВАТЬ ВСЕ НА СВЕТЕ — СМЫСЛЫ, ЛОГИКУ, СОЦИАЛЬНЫЕ РОЛИ.**

Большая Игра использует любой элитный конфликт, в том числе те, которые я подробно анализирую. **ИСПОЛЬЗУЕТ!** Кто только об этом не писал! Гессе и Борхес, Бжезинский и Киплинг (Great Game в романе «Ким» и других романах), теоретики Франкфуртс-

кой школы и постмодернисты, специалисты по оргоружию и управляемому хаосу...

Это неотменяемый фатум Игры.

Мы открылись и уже не закроемся. Игра приобретает все более масштабный и зловещий характер. Не играть нельзя. Можно только проигрывать Игру или выигрывать.

Таков масштаб вызова. Ощущает ли это сегодняшний властный класс (он же — элитный субъект)?

Прежде всего, мы должны понять — класс ли это? Субъект ли это, пусть даже и находящийся в становлении? Наличествует ли хотя бы мощное «социальное тело» как предпосылка субъектности? Или же все это рассыпается подобно всем другим социальным общностям?

Нужно не осуждать и не прославлять пресловутый «чекизм», а тестировать. Нужны тесты на властную (макросоциальную и политическую) состоятельность. Если класс созрел (или созревает), то он хотя бы воспротивится саморазрастающейся войне в собственных рядах (в которой борются уже и не ведомства даже, а начальники управлений со своими замами).

Понять социальную природу явления, называемого «чекизм», — наш интеллектуальный и гражданский долг. А может, и нет никакого макроявления, а есть только диффузный шлейф, порожденный кометой под названием «Путин»?

Но даже если это только диффузный шлейф (а я-то так не считаю), почему вокруг него кипят такие страсти? В чем Игра? И чья это Игра? Кто-то конструирует врага для того, чтобы... чтобы что? Чтобы не дать стране выкарабкаться, отсекая ее от неких, может, и не симпатичных, но мобилизационных альтернатив? Ведь уже отсекали так страну от определенных альтернатив в 1986-1987 годах, дискредитируя номенклатуру и проклиная «сталинщину». «Чекизм» — это «сталинщина-2»? А все мы герои романа «Двадцать лет спустя»?

В предыдущей части романа главными героями были не отдельные лица, а социальные и психологические качества. НАИВНОСТЬ... СОН НА БЕГУ...

Во сне элита проиграла империю. По наивности общество подыграло тем, кто страстно жаждал этого проигрыша.

Повторения не должно быть! Вот в чем нерв этого моего сочинения.

*Здесь у нас туманы и дожди,
Здесь у нас холодные рассветы.
Здесь на неизведанном пути
Ждут замысловатые сюжеты...*

Сюжеты, которые я буду дальше описывать, сами по себе, может, и не очень замысловатые. Но Игра их заколдовывает, присваивает им иное — очень замысловатое — качество.

И нам надо научиться это качество понимать. Если мы хотим, чтобы рассветы и дожди были не только «здесь», но и «у нас»... Чтобы эта самая «надежда — мой компас земной» не оказалась лишь наивной прелестной затравкой к знаменитому «оставь надежду, всяк сюда входящий».

Кому-то эти многомерные игры по саморазвивающимся нелинейным стохастическим правилам интересны сами по себе. А кому-то просто жаль всех этих «туманов», «дождей» и «рассветов». А также всего остального. И неужели же у нормальных мужиков, живших не за тридевять земель, а здесь, на нашей земле, певших про эти туманы, дожди и рассветы, шедших по трудному (и в целом все-таки воинскому) пути — **НЕТ ДАЖЕ ЭТОГО ЭЛЕМЕНТАРНОГО ЧУВСТВА ЖАЛОСТИ?** А также того, что может переплавить это чувство в волю к победе? Ведь побеждали же...

Хищники оживляются, почувствовав запах крови. Самые разные хищники. Как обыкновенные (например, акулы), так и метафизические (зачем иначе приносятся кровавые жертвы?). А есть еще и хищники социальные. Не зря ведь говорили — «акулы империализма».

Запах элитного конфликта как запах крови. На солнечной полянке в очаровательном лесу — две березки. К ним привязаны веревки. На веревках дощечка... **КАЧЕЛИ.** Но вот подул ветер. Качели закачались, и все изменилось. Зловеще изменился сам лес. Березки превратились в ядовитые тропические деревья. Все оказалось заполнено какими-то хищниками. Все завывало. А на вой откликнулся ветер. Качели закачались сильнее. И все еще больше преобразилось. Стало еще более зловещим и незнакомым. Вот что такое **КАЧЕЛИ.** И вот что такое Игра, спешащая на их зов.

*И забыть по-прежнему нельзя,
Все, что мы когда-то...*

Так можно или нельзя забыть-то? Можно или нельзя позволить состояться этому самому «двадцать лет спустя»?